

Рязань
Издатель Ситников
2008

Анатолий Говоров

СЫН морехода

документальная
повесть

ББК 84

Г57

Говоров, А.Ф.

Г57 Сын морехода: документальная повесть / ред. И. Красногорская. – Рязань: Издатель Ситников, 2008. – 280 с.: ил.

ISBN 978-5-902420-20-0

Эта книга посвящена Александру Васильевичу Головнину – министру, члену Государственного совета, реформатору народного просвещения в середине XIX столетия, активному поборнику отмены крепостного права в России, исследователю творчества своего выдающегося отца Василия Михайловича Головнина, совершившего две кругосветные экспедиции.

В книге повествуется также о связи Головниных с Рязанской губернией.

ББК 84

ISBN 978-5-902420-20-0

© Издатель Ситников, 2008

© Говоров А.Ф., текст, 2008

© Ситников К.Н., оформление, 2008

От автора

В сентябре 2006 года в посёлке Старожилово Рязанской области открывали памятник выдающемуся русскому мореплавателю, возглавлявшему два кругосветных путешествия, вице-адмиралу, члену-корреспонденту Петербургской Академии наук Василию Михайловичу Головнину. Авторы впечатляющего произведения – талантливый рязанский скульптор-монументалист, заслуженный художник России Борис Горбунов, его сын, тоже скульптор, Василий Горбунов и архитектор Олег Обозов. Многочисленной публике предстала бронзовая фигура Головнина на капитанском мостике, в полный рост, в морской форме, с наградами за его яркие походы и открытия во благо отечества и флота российского. Таким примерно я его и представлял, изучая печатные труды о странствиях через моря и океаны, об испытаниях, выпавших на долю Головнина и экипажей возглавляемых им кораблей.

Пока выступавшие на торжественном митинге говорили подобающие случаю слова, кто-то вполголоса произнёс: «Рядом нужно бы поставить такой же памятник его сыну Александру Васильевичу Головнину». На эти слова живо отозвался другой голос: «Ему-то за что? Он же чиновник!»

Конечно, младший Головнин не мог продолжить морскую традицию и превзойти достижения отца. Он родился и рос слабым и болезненным ребёнком. Тем не менее одно время был министром народного просвещения в правительстве императора Александра II. Такие вот превратности судьбы. Не случайно Головнины избрали своим девизом слова Жуковского: «За правых – провиденье».

В глазах многих Александр Васильевич остался царским чиновником. Чиновничество никогда не было почитаемым классом. Слово «чиновник» стало ругательным, применяющимся к людям, которые относятся к своему делу равнодушно, бюрократически. Однако тон в поступательном процессе развития общества обычно задают люди добросовестные, талантливые, во все времена превыше всего ставящие служение отечеству, такие как крупный чиновник Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, служивший в своё время рязанским вице-губернатором, или его современник Александр Васильевич Головнин.

Известный русский юрист А.Ф. Кони сказал о последнем: «...никто, конечно, из знавших его не откажется отдать дань справедливости тому живому, серьёзному и неустанному интересу, с которым он относился ко всему, что касалось горячо им любимой России...». А в третьей части книги «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» П.П. и В.П. Семёновы дали ему такую характеристику: «А.В. Головнин играл выдающуюся роль в эпоху преобразований имп. Александра II, сначала в качестве мудрого советника и сотрудника в. кн. Константина Николаевича в деле освобождения крестьян, которому Головнин особенно сочувствовал, потом в качестве министра народного просвещения и наконец члена Госуд. Совета».

Нет общих портретов отца и сына. Попытаюсь восполнить этот пробел – создать их портрет словесный.

Автор благодарит за активное участие и помощь в издании книги: Е.С. Баранкина, В.В. Безуглову, И.Г. Кусову, К.Н. Мееревича, Э.Н. Никишкина, Н.В. Шкурко.

Часть I
Путь к успеху

Лицейские годы

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озёрных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.

Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрёпанный том Парни.

Это написала Анна Ахматова о лицеисте Александре Пушкине.

Александр Головнин бродил по тем же царско-сельским аллеям, «у озёрных грустил берегов», читал тоже стихи забытого теперь у нас французского поэта Эвариста Парни. Но о самом Головнине стихов никто не слагал, рассказы мемуаристов о нём скупы, и зачастую в них подмечаются лишь отрицательные его черты.

Под влиянием этих субъективных воспоминаний у читателей составилось мнение, что Александр Васильевич Головнин был заурядным человеком, приобретшим высокое положение в обществе благодаря заслугам отца, знаменитого путешественника, мореплавателя Василия Михайловича Головнина. Мнение это подкреплялось живучей, расхожей сентенцией: природа отдыхает на детях талантливых родителей.

Соученики Александра по лицу тоже отнеслись к нему на первых порах с некоторой долей предвзятости, видя в нём не обездоленного смертью отца сироту, а сына знаменитого мореплавателя, кончина которого

давала их однокласснику или могла дать какие-то льготы и поблажки. Даже то, что Александр был принят в лицей иначе, чем большинство из них, связывалось с именем его отца и было воспринято ими как льгота.

Дело в том, что до поступления в лицей он учился в 1-й Петербургской гимназии, куда после многих просьб его матери и отказов гимназического начальства император приказал определить мальчика с платой из государственного казначейства. Благодаря прекрасной домашней подготовке учёба в гимназии не доставляла ему трудностей. Но само пребывание в её стенах оставило у Александра тяжкие впечатления. «Классы и дортуары были тесны, низки, воздух был спёртый, дурной; мрачные полутёмные коридоры и небольшой двор служили для рекреации; пищу давали тяжёлую, неудобоваримую... утомительные уроки продолжались полтора и даже два часа с небольшими промежутками...», – впоследствии вспоминал он. Мальчик постоянно болел, и, тем не менее, считался первым в классе и в числе отличников на основании предоставленного некоторым гимназиям особого права был переведён осенью 1835 года в Царскосельский лицей.

Головнин родился 25 марта 1821 года в Петербурге. Свои воспоминания о раннем детстве изложил в «Записках для немногих», говоря о себе в третьем лице: «Первые воспоминания детства заключаются для него в воспоминаниях болезни, лекарств и непрерывных попечений и забот о нём отца и матери. Ему живо представляется длинная, тяжёлая ночь, полутёмная детская комната, лампада перед образами, склянки с микстурами, небольшая кастрюлька на спирту с арроруттом, фигура англичанина доктора Лейтона и около детской его кровати заботливые лица его доброго отца, который часто в течение ночи подходил к ней, и матери, которая почти не отходила от неё».

Совсем иные, светлые воспоминания оставили у Александра годы, проведённые в лицее, лицейские традиции и друзья, о чём он восторженно писал: «Предназначенный для приготовления молодых людей к государственной службе, лицей состоял сначала в ведении Министерства народного просвещения, а потом был поручен заведыванию великого князя Михаила Павловича, главного начальника военно-учебных заведений. Воспитанники лицея пользовались обширными садами царскосельских дворцов и проводили весь год в прекрасном, сравнительно с Петербургом, воздухе, в чистом, спокойном, маленьком городе. Само здание, где они помещались, было весьма удобно. Дортуары занимали весь верхний этаж, и в течение дня туда никто не ходил, и они свободно проветривались. В доме лицея были высокие большие залы, просторные рекреационные и классные комнаты и кроме воспитанников в этом доме никто не жил. Гувернёры и прислуга приходили на дежурство, кухни и все служебные принадлежности помещались через улицу».

Идея создания нового учебного заведения принадлежала видному государственному деятелю графу Михаилу Михайловичу Сперанскому. Ему не было сорока лет, когда он, человек неродовитый (сын священника), сделался статс-секретарём императора, через год стал членом Комиссии составления законов, товарищем министра юстиции, ближайшим советником Александра I. При таком покровительстве он сосредоточил в себе большую часть государственной власти. Его боялись и ненавидели, проклинали и заискивали. Враги Сперанского находились в ближайшем царском окружении, среди дворян и чиновников. Даже письма любимой сестры императора, великой княгини Екатерины Павловны, в которых она, проживая в Твери, пыталась управлять братом, содержали недовольство Сперанским. Да и как не проявиться всяким наветам

А. Тон. Вид лицея из Екатерининского дворца

Лицей. Актный зал

и злобе, если он подготовил два указа, направленных против невежества знати, указ об обложении налогами дворянства. Снисходительно, с презрением относясь к сплетням, интригам, доносам на него императору, Михаил Михайлович видел главного врага своего в министре просвещения графе Алексее Кирилловиче Разумовском. В этого мистика и реакционера, сына последнего гетмана Украины упирались, по мнению Сперанского, многие благие начинания.

Сперанский давно томился сознанием того, что русское правление не только не способствует развитию общества, но и тормозит его. Процветало рабство, которое развращало и господ, и рабов. Народ находился в подавленном состоянии от невежества, суеверия и пьянства. Начальствующие лица пребывали в лености, переложив дела и заботы на чиновников и секретарей, погрязших во взятках. Беспокойство ему доставляло воспитание великих князей, по его мнению, этих юношей следовало бы отвлечь от маршировки, вырвать из рук кавалеристов и готовить к поступлению в университет. Он полагал, что необходимо учредить особое русское училище и готовить в нём новых людей, чиновников для важных частей государственной службы, где графы и князья, наряду с одарёнными учениками из других сословий, должны составить новую породу государственных людей. Свои мысли он выразил в записке: «Об особенном лице. Все состояния».

Императора тревожили младшие братья – великие князья. Они были грубы и необузданны. Его же они считали вероломным. Вероятно, все худшие качества им достались от отца-императора Павла Петровича – мстительного и жестокого, который приучал сыновей только к фрунту и маршировке. Кавалерийские офицеры стали главными их воспитателями и настав-

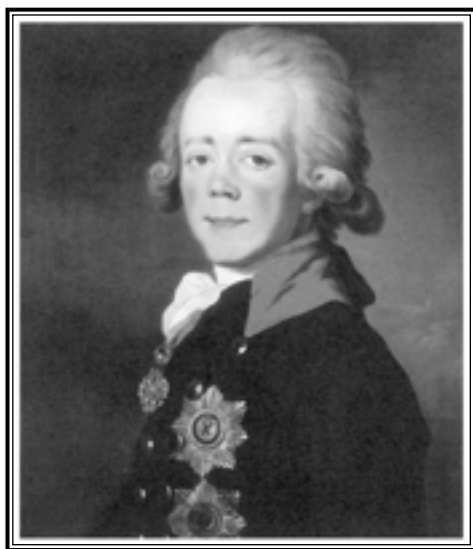
никами. Вдовствующая императрица неожиданно из своего любимого Павловска переехала с сыновьями в забытую ею при жизни мужа Гатчину, его основную летнюю резиденцию, тем самым будто подчёркивая свою верность прежней политике. Отдалила от великих князей всех их приятелей, практически лишила Александра возможности влиять на воспитание братьев и следить за их намерениями. Мария Фёдоровна боялась вероломства старшего сына, облечённого в сан монарха.

Когда выходки великих князей стали переходить все границы, их дикие нравы обратились в норму поведения, император однажды мимоходом намекнул Сперанскому о необходимости особого учебного заведения. Тот вскоре представил проект создания нового воспитательного учреждения, ту самую записку «Об особенном лицее. Все состояния». Император прочёл проект и отправил его на просмотр Разумовскому, вопреки желанию Сперанского. В окончательном варианте проекта, утверждённого императором, исчезли «все состояния»: надлежало воспитанников избирать из отроков дворянского происхождения числом не менее двадцати и не более пятидесяти. Каждый получал отдельную комнату под номером. Образование великих князей ограничивалось лицеем, приравненным в правах с университетами.

Оставалось получить согласие императрицы-матери, которая по слухам знала о готовящихся переменах. Состоялась встреча Александра с нею и братьями. Великие князья вели себя со старшим братом-императором развязно. Вопреки этикету, они во время встречи отошли от императора, громко между собой говорили. Голос Николая был резок, в разговоре он, не раз прерывая императора, грубо хохотал. Михаил прикинулся обиженным, говорил неприятным, плаксивым тоном. Такие грубые манеры окончательно убедили

Г. Кюгельген
Портрет
Марии Фёдоровны

Император Павел I

Император Александр I

Александра в необходимости новых подходов в формировании характеров и поведения братьев.

Оставшись наедине с матерью, он обратился к теме, ради которой к ней приехал.

Сообщил, что открывается особое заведение под названием лицей в Царском Селе под его, Александра, личным покровительством.

– Не находите ли вы нужным внести какие-либо изменения в воспитание и образование сыновей? – спросил он, не поднимая глаз.

Когда же поднял глаза, то понял, что мать ожидала этого вопроса. Она сидела с багровым лицом и, опустив голову на грудь, исподлобья глядела на него. Она догадывалась о его последующих шагах и преодолела нерешительность и постоянный страх перед ним.

– Ни за что! – задыхаясь, запальчиво ответила она. – Я не считаю нужным прерывать воспитание великих князей, начатое мною.

Императрица-мать испугалась. Она не могла забыть ужасной ночи с 11 на 12 марта 1801 года, когда свершился дворцовый переворот и был убит её муж, император Павел, а в заговоре участвовали такие близкие к престолу люди, как граф Панин, военный губернатор Петербурга Пален, генерал Бенингсен, английский посол лорд Витворт, привлечённые ими офицеры Семёновского и Преображенского полков. Но самое страшное, она знала, что в план заговора был посвящён и её сын Александр – нынешний император. Для неё не было секретом то, что Павел сразу нашёл себе много врагов. Он стремился уничтожить всё, что было сделано его матерью, Екатериной II, и уволил почти всех её приближённых. При нём преследовались все внешние проявления либерализма, ограничивались рамки светского просвещения. В армии насаждалась прусская муштра, была введена самая неудобная, стесняющая движения форма с обязательным

ношением буклей и кос. Павел почитал католичество истинной религией, тайно крестился по католическому обряду, вступил в масонскую ложу, принял на себя звание Великого гроссмейстера ордена Св. Иоанна Иерусалимского (Мальтийского). Издал секретный указ о постепенном введении в России католичества. Проявлял непоследовательность во внешней политике. В 1798 году в союзе с Австрией и Англией объявил войну Франции, а уже в 1800 году разорвал этот союз и заключил мир с Францией. Создал союз с Пруссией против Австрии и союз с Пруссией, Швецией, Данией против Англии. В начале марта Англия направила свою эскадру в Балтийское море с намерением уничтожить русские корабли в Кронштадте и захватить Петербург. Однако дворцовый переворот с убийством Павла изменил планы англичан и многие их замыслы.

Приближалась печальная годовщина — десять лет дворцового переворота, в результате которого был убит Павел, а на трон вступил Александр. Убийство императора официально представили трагической случайностью, но Мария Фёдоровна знала об участии сына в заговоре против отца. И теперь постоянно опасалась, что он подобным же образом может расправиться и с братьями. Она стремилась сделать эту мучительную для Александра дату напоминанием тех горестных для семьи дней, дабы не допустить их повторения.

Все эти годы императрица-мать томилась мыслью: не участвовал ли Александр непосредственно в убиении отца? Она жила и боялась очередной беды. Боялась, что император расправится с братьями как с претендентами на престол. Боялась, что её младшие сыновья, его братья, вступив в сговор с офицерами, могут поступить с ним так, как он поступил с отцом.

Уговаривать Марию Фёдоровну не имело смысла. Император холодно откланялся и покинул дворец.

19 октября 1811 года он подписал постановление об учреждении лицея.

Лицей был открыт во флигеле Екатерининского дворца в Царском Селе. В него принимались мальчики от 10 до 12 лет.

Сперанскому следить за тем, как начинает воплощаться в жизнь его идея, не довелось: в 1812 году он был отстранён от должности и сослан сначала в Нижний Новгород, потом – в Пермь. Причём эти меры выражения монаршего недовольства на официальном уровне никак не комментировались.

«...но эта весть громко разнеслась по всей России,— вспоминал его современник писатель Ф.Ф. Вигель. — Не знаю, смерть лютого тирана могла ли бы произвести такую всеобщую радость. А это был человек, который никого не оскорбил обидным словом, который никогда не искал гибели ни единого из многочисленных личных врагов своих, который мало показываясь, в продолжение многих лет трудился в тишине кабинета своего. Но на кабинет сей смотрели все, как на Пандорин ящик, наполненный бедствиями, готовыми излететь и покрыть собою всё наше отечество. Все были уверены, что неоспоримые доказательства в его виновности открыли наконец глаза обманутому государю; только дивились милосердию его и роптали. Как можно было не казнить преступника, государственного изменника, предателя и довольствоваться удалением его из столицы и от дел! Не менее того сию меру, слишком строгую, если человек был безвинен, торжествовали как первую победу над французами. Многие, помню, приходили меня с этим поздравлять, и, виноват, я принимал поздравления.

Непонятно также казалось молчание, хранимое ведомостями о столь важной перемене, тогда как они

всегда возвещали об отставке чиновников, невысокие места занимавших».

Вигель, конечно, пристрастен и в своей оценке событий выражает мнение далеко не всех, хотя и пишет «все», а только консервативной части дворянства, принявшей «в штыки» деятельность Сперанского, который, прежде всего, не был для неё «одного поля ягодой», и в конце концов сведшей с ним счёты, обвинив его в государственной измене. Этому обвинению, однако, поверили не многие. Тот же Вигель даже нашёл объяснение поведению Сперанского:

«Он был очарован величием Наполеона; замечено уже, что все люди, из ничего высоко поднявшиеся, не смея завидовать избраннику счастья и славы, видели в нём свой образец и кумир и почтительнее других ему поклонялись. Мало заботясь об участи отечества, будучи уверен, что Наполеон одолеет нас, мог он от последствий сей войны ожидать чего-то для себя полезного, мог питать какие-нибудь неясные надежды; но, чтобы он вошёл в тайные сношения с неприятелем, это дело невозможное: он был слишком осторожен. Как ни воздержан был он в речах своих, но приятных, сильных своих ощущений при имени нашего врага он скрывать не мог. В глазах людей, окружавших царя, и особенно сестры его, Екатерины Павловны, это одно уже было великое преступление и было важнейшим орудием к обвинению его. В беспокойстве духа, в котором находился государь при ожидании великих событий, предался он подозрениям и решился величию обстоятельств принести великую жертву».

Были и менее романтические объяснения опалы царского любимца: Сперанский переоценил своё влияние на государя, стремился проникнуть в те тайны иностранной политики, до которых тот не спешил его допускать, и, главное, позволял себе нелестно высказываться о государственном уме своего благодетеля.

Второе объяснение по прошествии многих лет кажется более убедительным: через два года из Перми Сперанский перебрался в своё небогатое имение в небольшой деревне под Новгородом. Как говорили, за него замолвил словечко перед государем бывший враг ссыльного Аракчеев. А ещё через два года царь подписал указ, в котором, по свидетельству Вигеля, «было сказано, что по дошедшим невыгодным слухам о Сперанском и Магницком, они были удалены от должностей, но дабы дать им возможность оправдать себя, назначаются они: первый гражданским губернатором в Пензу, а последний вице-губернатором в Симбирск».

В 1821 году Сперанский вернулся в Петербург вновь к высоким государственным должностям и в то время, как Головнин учился в лицее, преподавал юридические науки наследнику престола Александру Николаевичу, будущему императору Александру II.

Так и не осуществилось намерение Александра I обучать в лицее великих князей...

Весь лицейский курс был рассчитан на шесть лет. В младших классах воспитанники учились по программе средних учебных заведений, в старших – по программе университета.

При поступлении Александр Головнин без труда сдал переходный экзамен во второй класс, так что учиться ему предстояло четыре с половиной года и осваивать лицейский порядок, который среди прочего требовал почтительного отношения младших воспитанников к старшим. Каждый класс имел свои комнаты, так что дети из разных классов встречались только в столовой или саду.

Сразу после перевода сына в лицей обрадованная Евдокия Степановна с дочерьми переехала на жительство в Царское Село.

Царское Село. Китайский мост

Царское Село. «Разбитый кувшин»

Бывший в то время директором лицея генерал Фёдор Григорьевич Гольтгойер позволил Головнину жить у матери и ходить в лицей лишь на уроки. Вначале семья жила в пригороде Царского Села, называемого Софиею, потом в самом Царском Селе. Жить дома в окружении доброй, заботливой матери и любимых младших сестёр в спокойном городке с чистым воздухом, слушать лекции профессоров, сблизиться и подружиться с несколькими молодыми людьми – что может быть более приятным для творчески настроенного юноши? К тому же жизнь в этом маленьком городке оказалась гораздо дешевле, чем в Петербурге. Налицо было заметное улучшение здоровья Александра.

Евдокия Степановна, имея общительный характер, познакомилась с семьями директора и инспектора лицея, с профессорами, гувернёрами, доктором. Из общения с ними, а не только из рассказов сына, она составляла своё представление об этом особом учебном заведении.

Сашу Головнина и его товарищей по лицее интересовало всё, что было связано с историей Царского Села и его окрестностей. На протяжении двух веков оно являлось одной из летних царских резиденций. Поражали размеры парков – они занимали площадь около 600 гектаров, где размещалось множество ценнейших памятников искусства. Наиболее ценными в художественном отношении считались самые известные царскосельские парки – Екатерининский с Верхним и Нижним садами и Александровский, в который входила территория зверинца. Казалось, сама история шагала по несметному числу дорожек и тропинок, таилась в тенистых уголках, вблизи водоёмов.

Конечно, достопримечательности начинались с Екатерининского дворца, названного так в честь Екатерины I и размещавшегося между парадным двором,

ограниченным полукруглыми одноэтажными корпусами и обширным парком. Не переставая удивляться фантазии автора проекта архитектора Варфоломея Растрелли, лицеисты любовались хитроумными декоративными решениями, дающими ощущение нарядности и праздничности. Скульптуры, пышные наличники окон, декоративные колонны почти не оставляют гладкой поверхности стены, изломанность линии фасада создаёт игру света и тени. Колонны верхнего этажа поддерживают фигуры могучих атлантов с низкосклонёнными головами, словно согнувшиеся под непосильной тяжестью. Деревянная балюстрада над карнизом, статуи, вазы, прочие украшения покрыты золотом, крыша из белого железа казалась серебряным покрывалом. Подавляя и ослепляя своей пышностью, Екатерининский дворец вполне соответствовал требованиям царского двора, как бы прославляя могущество и величие Российского государства.

Впрочем, трудно сказать, что производило на посетителей большее впечатление: отделка фасадов или роскошь покоев и залов. Парадная лестница дворца, расположенная в южном конце здания, вела во второй этаж к парадной анфиладе, все двери которой украшены золочёной резьбой, создававшей видимость золотого кружева, повторенного в многочисленных зеркалах.

Однако всё это меркло перед великолепием самого огромного помещения дворца – Большого зала, где проходили официальные приёмы. Великим счастьем было хоть на несколько минут оказаться здесь. Гостей и простых посетителей поражало в нём всё: огромные окна, зеркала в золочёном резном обрамлении, замысловатые украшения стен, красочный плафон.

Параллельно Екатерининскому дворцу протянулся так называемый Рыбный канал, предназначенный для разведения рыбы к царскому столу. По живопис-

ным гранитным мостикам, перекинутым через Рыбный канал можно было достичь Эрмитажа, который, как и петергофский Эрмитаж, служил для развлечений узкого круга придворных. Его восьмиугольный павильон имел четыре пристройки по сторонам. На куполе Эрмитажа размещалась золочёная скульптура, от которой по серебристой крыше раскинулись декоративные украшения, резвились золотистые амуры. Всё это в сочетании с ослепительной белизной колонн и пилястр, пышными наличниками окон и лепными гирляндами, обилием раковин и лепных масок не оставляло гладких поверхностей и создавало впечатление непрерывного движения.

В Царском Селе Растрелли кроме Екатерининского дворца и Эрмитажа создал павильон Грот, который был одной из излюбленных садовых затей; Каталную горку, увеселительный павильон Монбеж в Александровском парке и «Зал на острове» среди Большого пруда.

Екатерина II облюбовала Царское Село как летнюю резиденцию и тратила на развитие и украшение дворцового ансамбля огромные силы и средства. Строительные и декоративные работы велись очень интенсивно, особенно возведение памятников, посвящённых блестящим победам русских войск в турецкой кампании. Одним из первых памятников воинской славы был Кагульский обелиск – простой обелиск высотой чуть более 10 метров, воздвигнутый в 1771 году в честь разгрома войсками видного русского полководца Петра Румянцева многотысячной турецкой армии на реке Кагуле. Победа русских войск при Чесме отмечена сооружением Чесменской колонны посреди Большого пруда. В восточной части парка, недалеко от Большого пруда, возведён ещё один памятник – Морейская или Малая роstralная колонна в память победы русского флота у полуострова Морея.

Одним из самых крупных сооружений в Царском Селе был Александровский дворец по проекту архитектора Джакомо Кваренги. Здание в отличие от Екатерининского дворца предельно просто и строго. Построенный в стиле классицизма в форме буквы «П» дворец являет спокойствие и уравновешенность. Фасады лишены всяких украшений, на их строгом фоне крылья дворца соединяет двойная коринфская колоннада, образующая небольшой дворик. Светлая галерея между двумя рядами белоснежных колонн по художественной выразительности не имеет себе равных в мировой архитектуре. Перед колоннадой дворца установлены две скульптуры: «Юноша, играющий в бабки» работы Н.С. Пименова и «Юноша, играющий в свайку» работы А.В. Логановского. Фигуры юношей, выразительные по силуэту и полные динамики, как живые, чётко выделяются на фоне колоннады. Ранее они выставлялись в Академии художеств, где их увидел Пушкин и посвятил им четверостишия:

Юноша трижды шагнул, наклонился, рукой о колено
Бодро опёрся, другой поднял меткую кость.
Вот уж прицелился... прочь! Раздайся, народ
любопытный,
Врозь расступись; не мешай русской удалой игре.

Юноша, полный красоты, напряженья, усилия чуждых,
Строен, лёгок и могуч,— тешится быстрой игрой!
Вот и товарищ тебе, дискобол! Он достоин, клянуса,
Дружно обнявшись с тобой, после игры отдыхать.

Как и оформление фасадов, отделка интерьеров Александровского дворца была лишена пышности. Архитектор умеренно и тактично использовал различные декоративные детали, применил искусственный мрамор, добился парадности сравнительно простыми приёмами. Под руководством архитектора

А. Менеласа разработан и создан единый, эффектный и живописный садовый ансамбль. Аллеи, тропинки и дорожки напоминают заросший лес, в котором легко заплутаться. Менелас придал некоторым своим постройкам черты строгости, угрюмости, суровости. Такими представлены арсенал с коллекцией средневекового рыцарского оружия, Шапель – в виде руин готического храма, Белая башня, а за пределами парка – Египетские ворота, которые как бы открывают въезд в город...

В начале XIX века получили размах работы по строительству самого Царского Села. Улицы украсились строгими и величественными зданиями по проектам одного из крупнейших архитекторов Василия Петровича Стасова. Им созданы оранжереи, конюшни, многие произведения во дворцах и парках, изменён облик ряда уголков, но он не вторгался при этом в творения своих предшественников. В восточной части Екатерининского парка, у дороги, по которой возвращались русские воины после победы над Наполеоном в Отечественной войне 1812 года, зодчий соорудил ворота, на которых по указанию императора Александра I сделана надпись: «Любезным моим сослуживцам».

Лицей по праву считался одним из лучших воспитательных учреждений. Молва о дружбе воспитанников первых выпусков ширилась от одного выпуска к другому. Традиционно особым интересом пользовалось всё, связанное с Александром Сергеевичем Пушкиным, лицеистом самого первого выпуска. Отмечая дни его рождения, лицеисты проводили поэтические вечера. Его комната под номером 14 полностью сохранила внутреннее убранство: железная кровать, бюро, решётка над дверью, графин с водой, который он называл глиняным кувшином. И окно напротив, где изредка появлялась тень Наташи, волновавшей его. В его раннем стихотворении «К Наташе» грустно звучат строчки:

А. Брюллов
Портрет
Н.Н. Пушкиной

О. Кипренский
Портрет поэта
А.С. Пушкина

Скоро, скоро холод зимный
Рошу, поле посетит;
Огонёк в лачужке дымной
Скоро ярко заблестит;
Не увижу я прелестной
И, как чижик в клетке тесной,
Дома буду горевать
И Наташу вспоминать.

То были первые стихи, первая любовь поэта. Но уже в 1815 году В.А. Жуковский с восторгом писал П.А. Вяземскому: «Я сделал ещё приятное знакомство! С нашим молодым чудотворцем Пушкиным. Я был у него на минуту в Царском Селе. Милое, живое творенье. Он мне обрадовался и крепко прижал руку мою к сердцу. Это надежда нашей словесности. Боюсь только, чтобы он, вообразив себя зрелым, не мешал себе созреть. Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастёт. Ему надо непременно учиться, и учиться не так, как мы учились!..». Опасения Жуковского оказались напрасными – Пушкин сам стремился учиться, постигал лицейскую науку.

Поначалу комнату Пушкина отводили самым примерным воспитанникам, потом по настоянию лицеистов её не будут занимать вовсе.

Наиболее значительные события в жизни учебного заведения отмечались в актовом зале лицея, расположенном на третьем этаже. Зал хотя не очень велик, украшен дорическими колоннами и барельефами, полон торжественности и света. Здесь лицеист Пушкин читал на экзамене в присутствии Державина свои «Воспоминания в Царском Селе».

Позже на фасаде здания появится мемориальная доска с надписью «Здесь воспитывался Александр Сергеевич Пушкин с 1811 по 1817 год». С другой стороны лицея, в лицейском садике, рядом со старинной

Знаменской церковью, в 1900 году на пожертвования жителей Царского Села появится бронзовый памятник Пушкину-лицеисту по модели скульптора Р.Р. Баха. На садовой скамье, подперев голову рукой, задумчиво и спокойно сидит кудрявый юноша в лицейском мундире. На постаменте памятника запечатлены строчки, в которых поэт тепло и проникновенно вспоминает о рождении своей музыки:

В те дни в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза стала мне.

Громом средь ясного неба прозвучало в лицее известие о гибели Пушкина.

Ещё лицеисты не успели выучить и осмыслить приветствие Пушкина, с которым он обратился к своим однокашникам в день 25-летия лицея:

Припомните, о други, с той поры,
Когда наш круг судьбы соединили,
Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Метались смущённые народы;
И высились, и падали цари,
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.

Никто из лицеистов не предполагал такой скорой и нелепой кончины любимого поэта, кумира. О семейных неурядицах его, конечно, воспитанники старших классов знали: недаром жили в Царском Селе, да ещё во дворцовом флигеле и в большинстве своём были светскими молодыми людьми. И если сами ещё не присутствовали на придворных балах и иного рода светских увеселениях, то узнавали пикантные новости от родственников. Знали об особом расположении

императора Николая к жене Пушкина и не удивлялись этому: сами были влюблены в прекрасную Наталью Николаевну, тем более влюблённость в неё стала чем-то вроде светской моды. Знали, что любовь поэта к ней была любовью с первого взгляда. Он увидел молоденькую девушку, почти девочку в Москве в одном из танцевальных классов, куда заглянул случайно со своим приятелем Соболевским, и был восхищён ею. На следующий день встретился с ней уже преднамеренно на каком-то балу. Потом добивался согласия у её матери на брак с Наташей, не подозревая источником каких мучений станет для него этот союз.

Не могли понять, как влюблённый в неё белокурый красавец Жорж Дантес вдруг женился на её менее привлекательной сестре, и после долгих обсуждений решили – отважился он на такой трагический шаг, чтобы быть ближе (как родственник) к даме своего сердца. Предполагали, что добром такое родство не кончится, что рано или поздно новоиспечённые родственники Дантес и Пушкин сойдутся в дуэли.

Дуэль в их обществе считалась естественным выходом из трудноразрешимого положения, хотя и предусматривала смертельный исход. И такие исходы случались. Ещё не забылся поединок из-за знаменитой балерины Истоминой между В.В. Шереметьевым и А.П. Завадовским, когда князь Шереметьев был убит. Позднее стрелялись их секунданты А.И. Якубович и А.С. Грибоедов, которому противник прострелил палец.

Дуэль предусматривала трагический исход, но не гибель же Пушкина...

С этой гибелью невозможно было смириться, и они роптали и осуждали... Пушкина: зачем женился на красавице, будучи неказист и небогат. Винили женщин, которые на словах только утверждают, что ценят в мужчинах прежде всего ум. Конечно, ценят, по-

сколько с умом связано благосостояние, а любят, как и мужчины, красоту.

«Да,— заключали юные философы, чей сексуальный опыт исчерпывался одним-двумя поцелуями с подругами сестёр,— красота — великая сила. Без красоты нет любви».

Александр Головнин думал при этом, что не дожидаться ему любви никогда. Он был нехорош собой, в чём давно удостоверился и не желал поэтому смотреть в зеркало, чтобы лишний раз не расстраиваться. И на счёт женского отношения к мужскому уму и красоте тоже уже имел кое-какой опыт. Обходили его сверстницы стороной, а те, кто дарил его кратковременным вниманием, говорили потом с сожалением: «Как умён. Но, Боже, как некрасив!»

Он случайно услышал эту оценку всего раз, но размножил, распространил её как неперемный финал на все свои общения с барышнями, а потом и пресёк эти сладостно-горестные для себя маленькие праздники. Женское общество ограничилось для него семейным кругом: мать, сёстры, служанки. После гибели Пушкина он окончательно решил никогда не жениться.

И Александр, и большинство его друзей считали драму поэта бытовой, чисто семейной: Пушкин отстаивал честь своей жены, оскорблённой, ославленной в глазах света домогательствами Дантеса. И вдруг стихи «Смерть Поэта» мало кому известного офицера лейб-гвардии гусарского полка, стоявшего в Царском Селе, Михаила Лермонтова. А в них это горестное событие подано как заранее спланированная, чуть ли не государственная, акция. А в них обаятельный шалопай и повеса Жорж Дантес назван убийцей, который

Подобный сотням беглецов
На ловлю счастья и чинов

Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!..

Беспристрастные критики-лицеисты не могли безоговорочно принять такое обвинение: Дантес стрелял в Пушкина не из-за угла, кем бы ни была спровоцирована дуэль, она ставила её участников в равное положение — каждый подвергался смертельному риску. И, если бы Дантес не поднял руку, то был бы сам убит. Не могло всем понравиться и не очень ясное обращение Лермонтова:

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадную толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!

Кого гусар имел в виду — приближённых царя? Так среди них немало порядочных людей. Или в них, лицеистах, будущих государственных деятелях, видел «надменных потомков», когда встречался с ними на тенистых улицах Царского Села? Стихи, расходившиеся в списках, вызвали у молодых людей споры, приведшие к серьёзным разногласиям.

Всё однако утихло, когда стало известно: гусар за своё поэтическое выступление арестован, а затем сослан на Кавказ. Через год, впрочем, он был возвращён из ссылки, тогда же без указания имени автора была опубликована его поэма «Песня про царя Ивана Васильевича...». Но споров у лицеистов десятого выпуска, к которому принадлежал Александр Головин, она не вызвала: юноши готовились к экзаменам.

После смерти Пушкина петербургское общество разделилось в оценке причин трагедии. Исторической личностью стала жена гения Наталья Николаевна. Нашлось немало людей, считавших её виновной в гибели мужа, мол, поэт стал жертвой бездушного легкомыслия, преступного кокетства светской красавицы. Княгиня Е.Н. Мещерская, отражая мнение большей части светских кругов, писала: «Она медленно, ежеминутно терзала восприимчивую и пламенную душу Пушкина». Никогда не изменявшая, по её мнению, чести, Наталья Николаевна была виновата в «чрезмерном легкомыслии, в роковой самоуверенности и беспечности, при которых она не замечала той борьбы и тех мучений, какие выносил её муж». Другие были ещё более категоричны: «...В ней (Н.Н. Пушкиной. – А. Г.) ничего не было человеческого, ни ума, ни сердца. Всё на грани любовного чувства, на низшей стадии развития... При скудости духовной природы главное содержание внутренней жизни Натальи Николаевны давал светско-любовный романтизм». Странники такой версии были в более позднее время. Марина Цветаева, жившая столетием позже Пушкина, так самозабвенно любила поэта, словно была его современницей. Она без колебаний и сомнений придерживалась версии, связанной с виной Натальи Николаевны, и писала об этом так:

«Было в ней одно: красавица. Только – красавица, просто – красавица, без коррективы ума, души, сердца, дара. Голая красота, разящая, как меч. И – сразила... Тяга Пушкина к Гончаровой... тяга гения – переполненности – к пустому месту, чтоб было куда... он хотел нуль, ибо сам был всё». Цветаевой вторила Анна Ахматова: «Мы имеем право смотреть на Наталью Николаевну как на сообщницу Геккернов в преддуэльной истории. Без её активной помощи Геккерны были бы бессильны».

Однако эти выдающиеся поэтессы и другие обличители Натальи Николаевны несправедливы к ней. Другие, придерживающиеся иной точки зрения, говорили: конечно, при такой красоте в высшем обществе кокетство возможно, но поводов для измены жена поэта не давала. Она не осталась равнодушной к страстным домогательствам блестящего кавалергарда Дантеса, он нравился ей. Вначале Наталья Николаевна не могла разобраться в своих чувствах, но вскоре совлела себя. Она осталась Пушкиной не только по фамилии мужа, но приняла вкусы, жизненные принципы, стремления, нравственное исповедание, каждодневное влияние его гения. Она, как и Татьяна Ларина, была отдана другому и осталась верной только ему.

Наталья Николаевна писала стихи, но считала их недостаточно совершенными для жены Пушкина и поэтому не показывала их своим светским знакомым. Она была одной из лучших шахматисток Петербурга, но не выставляла этих несомненных способностей на показ. «Мне очень не хочется беспокоить мужа всеми своими мелкими хозяйственными хлопотами,— писала она своему брату Д.Н. Гончарову,— и без того я вижу, как он печален, подавлен, не может спать по ночам и, следовательно, в таком настроении не в состоянии работать... чтобы он мог сочинять, голова его должна быть свободной». Но чем больше она жертвовала собой, своими увлечениями, настроением во имя гения Пушкина, тем шире развивались слухи, сплетни, вызванные завистью менее привлекательных, нежели она, дам и отвергнутых ею кавалеров. Но и её иногда покидала выдержка. Так, в одном из писем сестре, которая, видимо, тоже считала нужным учить её правилам приличия, она отвечает досадливо: «Почему никто и никогда не спросит меня, счастлива ли я? С меня умеют только требовать, но кто-нибудь пожалел меня когда? Что ещё от меня надо? Я родила ему детей (чет-

Царское Село. Подкапризная дорога

Царское Село. «Рыболов» Ставассера

верых детей! – А. Г.) и всю жизнь слышу стихи, только стихи. Ну и читайте стихи!»

Сам Пушкин ни в одном письме не упрекнул жену в предосудительном поведении. Более того, он восторженно писал Плетнёву в 1831 году: «Я женат – и счастлив, одно желание моё, чтоб ничего в жизни моей не изменилось – лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что кажется, я переродился...». И позже в письмах к ней Пушкин не скрывал своих чувств: «...Не можешь вообразить, какая тоска без тебя. Я всё же беспокоюсь, на кого покинул я тебя!.. Ах, жёнка душа! Что с тобой будет?...». «Какая ты умненькая, какая ты миленькая! Какое длинное письмо! Как оно дельно! Благодарствуй, жёнка... Здесь о тебе все отзываются очень благосклонно». «...Тебя, мой ангел, люблю так, что выразить не могу; с тех пор как здесь я только и думаю, как бы удрать в Петербург к тебе, жёнка моя... Стихов твоих не читаю – чёрт ли в них; и свои надоели. Пиши мне лучше о себе, о своём здоровье».

Обществу следовало бы довольствоваться отношением к Наталье Николаевне самого Пушкина. Кому, как не ему судить о достоинствах жены и её предосудительных поступках? Кому дозволено вторгаться в семейные отношения? И Пушкин не выдержал. Состоялась дуэль, на которой он погиб. Мог бы и одержать победу... на какое-то время. Поэты в России долго не живут.

Выпускные экзамены в лицее начались 28 ноября 1839 года и проходили в таком порядке:

28 ноября. Закон божий. Нравственная философия.

30 ноября. Немецкая словесность. История всеобщая и русская.

2 декабря. Политическая экономия. Статистика. Дипломатия.

5 декабря. Математика. Английская словесность.

8 декабря. Русское право: государственное, гражданское, уголовное. Судопроизводство.

11 декабря. Русская словесность. Латинский язык.

13 декабря. Французская словесность. Физика и химия.

Согласно своему уставу Царскосельский лицей имел право присваивать выпускникам чины от четырнадцатого до девятого класса и награждать медалями в зависимости от успехов в учёбе и примерного поведения. Александр Головнин получил высший чин 9-го класса и золотую медаль под номером 1. Подписанное великим князем Михаилом Павловичем и заверенное директором и конференц-секретарём свидетельство об окончании лицея гласило:

«Воспитанник императорского Царскосельского лицея Александр Головнин во время пребывания своего в сём учебном заведении, при поведении отлично хорошем, оказал успехи:

1. В законе Божием, нравственных и юридических науках, в географии, статистике и политической экономии, в истории, математике, физике, в словесности русской, латинской, немецкой, французской, и в английском языке — отлично хорошие. Сверх того обучался рисованию, фехтованию и танцеванию. Ныне с высочайшего его императорского величества утверждения выпущен в гражданскую службу с чином 9-го класса и с утверждения его императорского высочества, главного начальника Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и дворянского полка, удостоился получить золотую медаль номер 1-й, в чём дано ему, Головнину, от конференции императорского лицея сие свидетельство за надлежащим подписанием и с приложением печати лицея. Свидетельство сие было подписано 16 марта 1840 года директором лицея генерал-лейтенантом Гольтгойером и скреплено конференц-секретарём Георгиевским.

2. Воспитаннику императорского Царскосельского лицея Александру Головнину.

Примерное благонравие, прилежание и отлично хорошие успехи в науках, оказанные вами во время пребывания вашего в императорском лицее, соделали вас достойным получения золотой медали номер 1. Сей первый полученный вами знак отличия да будет для вас знаком, что достоинство всегда признаётся и награду свою получает; да послужит он вам всегдашним поощрением к ревностному исполнению обязанностей ваших к государю и Отечеству».

Александру Головнину в день выпуска было 18 лет и 8 месяцев. Все выпускники 10-го курса имели почти одинаковый возраст, от 18 до 20 лет. Только Разумник Кочетов составлял исключение: он окончил курс в 16 лет.

В тот же день после экзамена, распрощавшись с директором, профессорами, губернёрами, выпускники отправились в Петербург. Головнин с семьёй поехал днём позже. Царскосельское время кончилось, но Царское Село осталось для него родным на всю жизнь.

Недавние лицеисты в эйфории обретённой (пусть и краткосрочной!) свободы мало задумывались над тем, как сложатся в дальнейшем их судьбы, но были уверены – полученные знания употребят на благо России.

По-разному сложились судьбы однокурсников Головнина. Почти все они по окончании лицея определились на государственную службу, к которой готовились, но не все сохранили ей верность. Александр Киов и Михаил Коншин весьма скоро женились, вышли в отставку и поселились в деревне; Разумник Кочетов и Владимир Кузнецов умерли в раннем возрасте. Иные достигли высоких государственных должностей: Александр Головнин стал министром народного просвещения, Михаил Рейтерн – министром финансов.

Барон Александр Николаи в бытность Головнина министром состоял у него товарищем министра народного просвещения, а затем был главным начальником гражданского управления на Кавказе. Василий Цез и Пётр Саломон стали сенаторами, князь Николай Голицын – гофмейстером, высшие административные должности на Кавказе занимал Михаил Чиляев. Михаил Клингенберг был губернатором в двух губерниях, в том числе в Рязанской, потом членом Комиссии прошений.

Головнин, Рейтерн и Николаи имели звание статс-секретарей.

Один из их однокурсников – Михаил Петрашевский (Буташевич) – принял участие в издании «Карманного словаря иностранных слов». В 1845 году он организовал и возглавил кружок русской интеллигенции (петрашевцев). В основе политической и экономической программы Петрашевского, созданной под влиянием идей декабристов, В.Г. Белинского и А.И. Герцена, лежали требования уничтожения крепостного строя, замены самодержавия республикой, свободы печати. В апреле 1849 года петрашевцы были арестованы. Часть их сослали на каторгу в Сибирь. Среди них были Михаил Петрашевский, который, по словам Головнина, «в сибирских рудниках искупил преступные замыслы против правительства», и участник либерального направления кружка, будущий выдающийся писатель Ф.М. Достоевский.

Но это всё случится в будущем. Перед расставанием же выпускники дали слово собираться каждый год 19 октября – в день основания лицея. В 1840 году в этот день в ресторане «Дюна» собрались 14 однокурсников. Жизнь вносила свои поправки, в 1866 году встретились только шестеро: Голицын, Головнин, Марченко, Клингенберг, Рейтерн, Цез.